

★ 4 АПР 42

Москва. 4 апреля 1942 г.

ДНЕВНИК ИСКУССТВ

ОДНУ из своих корреспонденций с Южного фронта Борис Горбатов начинал так:

«Когда-нибудь, когда закончится война, мы вспомним, что некогда были пахотерами, доменщиками, комбайнерами, писателями. Тогда мы вернемся домой и руками, законными от пороха, возьмем мирные инструменты; будем пахать землю плугом там, где мы ее вспахивали снарядами, и долго еще треск отбойного молотка будет казаться нам пулеметным треском.

Сейчас мы — воины. Наш инструмент — винтовка, наш колхоз — родная рота, производственный план наш — разбить поскорее немцев. Мы воины, и свое военное дело мы должны делать исправно, отлично, смело. В нем — наша слава, в нем — наша жизнь, в нем — наше счастье».

Это сказано хорошо, просто, с чувством достоинства. И вместе с тем... парадоксально. Слова эти справедливы в отношении множества людей, сменивших спецовку инженера или комбинезон тракториста на гимнастерку бойца и командира. Но для огромного числа литераторов, получивших звание политруков, комиссаров, интендантов и разделяющих с армией трудности ее походов и радости ее военных побед, «чертовски трудная должность» писателя и в этой, совершенно новой для них обстановке попрежнему остается самой важной из всех доступных им «должностей».

Из разных участков советско-германской войны фронтовые газеты приносят известия о том, что военные советы от имени Президиума Верховного Совета награждают писателей высшей наградой — орденами СССР. Среди награжденных: Джек Алтаузен, Леонид Ленч, Алексей Сурков, Иосиф Уткин, Борис Горбатов, Александр Жаров, Михаил Розенфельд, Александр Коваленков. Патетические праздничные стихи, лирика, очерки

о мужестве, сатирические рассказы и сцены. Фронт награждал представителей всех видов литературы и всех ее жанров.

Некоторым из названных тут писателей доводилось принимать участие в боевых операциях, но не это принесло им заслуженную популярность и высокую награду. Советские писатели — снайперы на фронте, но снайперы слова, снайперы правдивой большевистской мысли. Писатели делали именно то, что должны были делать. Они писали. И писали так, что каждое слово их стихов, рассказов и очерков стало дорогим и необходимым для бойца, звалю его любить жизнь и ради нее быть готовым к мужественной встрече со смертью. Звало в бой, к победе, отвечало чувствам и мыслям человека, сражающегося на фронте.

Значит, это было хорошо сказанное слово.

В «Записных книжках» Ильфа есть такая заметка: «Очень легко писать: «Луч солнца не проникал в его каморку», — ни у кого не украдено и в то же время не свое». Особенность литературы переживаемой нами эпохи в том и заключается, что нужно обязательно создавать «свое», т. е. то, что труднее всего писать. Иначе, никто не прочтет и никто не запомнит.

Можно поздравить награжденных и с орденами, и со «своим», необходимейшим словом, сказанным веско и вовремя, и с аудиторией в сложнейших условиях, в глубоких русских снегах, в блиндажах, под грохот и вой снарядов читающей нашу литературу и отвечающей писателям искренней признательностью.

Да, художника можно поздравить с аудиторией, какой никто никогда еще не имел.

Несколько дней тому назад состоялось второе исполнение седьмой симфонии Шостаковича. Тот же Колонный зал Дома

Союзов, тот же огромный оркестр и Самосуд у дирижерского пульта.

А за окнами Дома Союзов в этот час, когда день уже кончался, но еще не наступил вечер, жил шумный город. Над оживленными, торопливыми, московскими улицами взошла полная, круглая луна. И чем ближе подходило вечернее время, тем светлее становилось, словно в Москву переселились ленинградские белые ночи.

И вот когда в Колонном зале раздавались чудесные звуки симфонии человеческого мужества, над улицами города разносилась иная симфония — заводских и паровозных сирен.

Тот самый враг, для обличения которого композитор нашел точные и неповторимые звуки, летел к столице с грузом смертоносных бомб.

Радио передавало: «Граждане, воздушная тревога».

Сирены разрывали воздух, предупреждая население об опасности.

А над оркестром то плавно покачивалась, то яростно вздымалась рука дирижера.

И чувствами сотен людей, заполнивших сверкающий люстрами Колонный зал, владел человек, написавший эту музыку и сидевший теперь тут же, в этих рядах.

Так в августе прошлого года под вой сирен и грохот разрывов зарождалась и создавалась эта музыка, так и исполнялась она, приняв уже законченные формы, под звуки тревожных гудков.

Концерт кончился. Весь зал горячо аплодировал автору, дирижеру, исполнителям. В грохот оваций вмешался голос:

— Товарищи, объявлена воздушная тревога.

Публика не стала слушать этих слов. — Товарищи, объявлена воздушная тревога, — настойчиво повторил человек, которому поручено было это огласить.

— Знаем! Знаем! — ответили ему из зала, и рукоплескания вспыхнули с новой силой.

Люди знали, что есть надежная охрана. Зенитчики, истребители, советские люди — те, кому посвятил свою симфонию композитор.

И те, кому посвятил композитор свою симфонию, поработали на славу, чтобы те, кто сидели в Колонном зале, могли услышать финал, патетику торжества, звуки победы.

Все это происходило в понедельник 30 марта. Конечно, не каждый день приносит москвичам такое крупное событие в культурной жизни, как исполнение седьмой симфонии.

Седьмая симфония — это большой праздник в жизни искусства. А между праздниками, как полагается, — долгие дни будничной и кропотливой работы. Однако и в этих буднях много запоминающегося, много значительного.

Человек, любящий литературу и искусство, посещающий все наиболее значительные вечера, где выступают писатели, артисты, музыканты, иногда даже затрудняется, куда направить ему свой путь.

На следующий день, во вторник, он мог бы, например:

— пойти на вечер поэта Алексея Суркова, который устраивался в ЦК ВЛКСМ...

— на выставку «Окон ТАСС», в Исторический музей...

— в Центральный дом работников искусств. Вечер назывался «Тебе — фронт». Среди выступавших поэт Сурков, композиторы: М. Блантер, В. Мурадели и К. Листов; артисты: Г. Афонин, А. Орфенов, А. Королев, Д. Орлов, Е. Степанова, М. Михайлов, Н. Устинов, Эфрос и Ярославцев; художник П. Соколов-Скаля; кинематографисты — бр. Васильевы, М. Геловани;

— в клуб писателей, где Семен Кирсанов читал свою новую «Поэму фронта», печатавшуюся по частям в газете Калининского фронта...

...Таков будничным день художественной Москвы. Впрочем, это, наверное, не полный перечень. О многом из перечисленного нужно было бы рассказать подробнее. Но мы не сомневаемся, что следующая неделя даст для нашего «Дневника искусств» новый обильный материал.

ЛИТЕРАТОР.